

Евгений ЧУБУКИН

Красноярск

Евгений Евгеньевич Чубукин родился в 1966 году в Красноярске. В 1983 году окончил 10 классов и поступил работать на завод «Красмаш». 1985 — 1987 годы — служба в армии. После армии вернулся на «Красмаш». В 1989 году поступил, а в 1992 году с отличием окончил без отрыва от производства Красноярский техникум космического машиностроения по специальности «Эксплуатация и наладка станков с программным управлением». В настоящее время работает на «Красмаше» слесарем-ремонтником шестого разряда. Увлечения: горный туризм, водный туризм, спелеология, акробатика. С 2015 года руководит акробатическим коллективом для взрослых при ДК имени 1 Мая.

ГОРА МОСКВА

Имена и названия в рассказе не выдуманные, настоящие

Скоро станет темно. Нам надо выйти засветло из тайги. Идти по заболоченной местности и бурелому ночью тяжело. Свет налобных фонариков не сильно облегчит наш путь. Мы идём слишком медленно. Мы могли бы идти быстрее, но моя жена, спускаясь с горы Москва, получила травму головы. Валентине и мне повезло, что Марина идёт на своих ногах. До дороги ещё очень далеко, темнота приближается, скоро совсем стемнеет.

О горе Москва, находящейся в Курагинском районе, я впервые услышал в 2012 году. Но из-за недостаточной информации об этом районе я не мечтал там оказаться. И вот зимой 2022 года, когда я планировал свой отпуск, мне попала информация о достопримечательностях Курагинского района: гора Москва, скалы Семь Братьев, река Шинда, Чинжебский водопад. С помощью друзей, интернета я нашёл нужные мне телефоны, описание местности, карты.

В августе наша команда из семи человек на двух машинах поехала в эти незнакомые места. Скалы Семь Братьев оказались не так доступны, как описывалось в интернете. Поход на чудесные скальные столбы стоил нам множества синяков и царапин. Всё это ещё усугубилось погодными условиями. Дождь лил на всём протяжении нашего маршрута. Вся наша команда порядком устала. Поэтому на гору Москва отказались идти все, кроме меня и Марины, у которой

сильно разболелось колено. На следующее утро к нам, подумав, присоединилась Валентина.

Марина вышла из палатки. Я возился с рюкзаком, складывая в него наш обед и перекусы. Марина подошла ко мне и спросила, что там, на правой ключице, за бугорок. Я посмотрел и увидел останки от клеща. Спросил:

— Зачем ты оторвала тело клеща от головы?

— Я не думала, что это клещ, — был ответ.

Я взял иглу, прокалил на огне костра, сказал:

— Теперь терпи.

Иглой проколол кожу и выцарапал останки кровососа. Выступившую кровь прижали салфеткой.

Вскоре наша команда из трёх человек собралась и выдвинулась на маршрут. Утро нашу тройку порадовало. День должен быть без дождя. Одно только это обстоятельство прибавило нам сил. Тем более что маршрут по километрам небольшой и гора Москва смотрит на наш палаточный лагерь со своей немного больше полуторакилометровой высоты. Наш путь лежал через заболоченную местность, местами буреломы и травы по плечи. Утренняя роса растений окатила нашу компанию не хуже дождя. Все мы быстро промокли.

Через пару часов вышли на склон горы. Тайга отступила, наша компания начала передвигаться по мелкому впере­мешку со средним куруму. Немного поднялись по склону, решили отдохнуть. Солнце разбросало свои жаркие лучи во все стороны, было приятно снять мокрую одежду и полюбоваться красивыми видами природы. Гора Москва была над нами. Отдохнув, наша небольшая компания продолжила карабкаться по камням, пересекая небольшие островки, поросшие травой и хвойными деревьями. С течением времени перед нашими взорами открылись две горные макушки. Интересно, какая из них наша? Я посмотрел навигатор. Я не поверил своим глазам. Навигатор показывал, что идти нам ещё тысячу восемьсот метров. Да нет же, до нашей цели метров четыреста. Повертел прибор в разные стороны, проверил настройки: он упрямо показывал, что это не та вершина. Марина и Валя предположили, что, может, местность визу­ально нас обманывает, а я подумал: навигатор «глюкнул». Решаем подняться между двух вершин на седловину.

По мере продвижения к двуглавой горе у меня закралось сомнение: правильно ли нас довёз наш водитель до нужного места, и ручей, что течёт рядом с лагерем, тот ли? Вот и седловина. О ужас! Впереди, довольно далеко, возвышается грозная гора, с северо-востока спрятанная от солнечного света, снизу вверх круто поднимаются монолитные её склоны, а с южной стороны склоны положе, покрытые большими камнями и скальными выступами. От вершины горы в разные стороны расходятся хребты, образуя горную систему. Теперь мы поняли, что хотел сказать навигатор. Такой эффект получился потому, что все эти горные макушки оказались почти на одной прямой. Я достал карту. Да, шофёр привёз нас на три километра дальше нашего предполагаемого старта. Наш не длинный маршрут увеличился на шесть километров. А сейчас нам надо идти по вершине хребта до подножия горы Москва.

По хребту идти довольно сложно. Крупный курум с большими провалами. Я предлагаю идти на гору или вернуться в лагерь, потому что время нашего путешествия увеличилось, увеличилась и сложность восхождения. Моя команда полна решимости достичь заветной вершины. Идём по хребту, который с правой стороны, около горы, круто уходит вниз. Наша компания двигается вперёд по большим камням, переходящим в скальные нагромождения. Ура! Слева хребет вылаживается в небольшой травянистый уклон. Радоваться пришлось недолго. Напрямую идти — попадёшь на обрывистый подъём. Чтобы его обойти, надо спуститься с хребта вниз на метров двести, затем траверсом перейти к началу восхождения горы Москва. Всё это наша тройка преодолела.

Было нелегко, но мы достигли вершины. Нас удивило то, что на самой вершине Москвы кто-то принёс с собой цемент, песок и воду. Вмонтировал почти двухметровый металлический столб в полуметровый фундамент. Красота, открывшаяся с горной вершины, была неопишима. Далеко впереди виднелись горы, ближе — равнины с поплёскивающими поверхностями болот, а совсем рядом узкой змейкой вилась дорога. Она начиналась из ничего и исчезала среди таёжной дали. Тишина. Только ветер небольшими порывами толкал облака.

Налюбовавшись пейзажами, наша команда начала спуск. Приняли решение не возвращаться маршрутом, по

которому пришли. Спуститься к дороге, которая виднелась среди тайги, и по ней вернуться в лагерь.

Скоро должны уже спуститься с курума в лесополосу. Последние метры остались. Я присел, опёрся левой рукой о камень, спустил ногу на небольшую площадку и посмотрел назад. Валя шла за мной в метрах ста, Марина вышла на травянистый склон, где рос бадан. Я ещё подумал: «Бадан любит влагу. Там должно быть скользко. Наверное, из-за больного колена она решила пойти там». Марина уверенно передвигалась, держась руками за скалу. Я опустил правую ногу рядом с левой, правой рукой облокотился в место, где находилась другая рука. И тут до моего слуха долетел глухой тяжёлый удар со стороны моей жены. Сердце у меня ёкнуло. Всё, Марина упала. Быстро, как могу, огибаю я каменную гряду, сверху вижу свою жену. Она лежит головой вниз на склоне горы, левая рука под телом, правая свободна, находится вдоль тела, голова повернута левой стороной к земле. Я сверху кричу:

— Марина, ты жива?

— Да, кажется, я получила сотрясение, — был ответ.

— Встать сможешь?

— Попробую.

— Давай помогу. Рука у тебя не сломана?

— Нет.

Я взял её под мышки и посадил на камни. Спросил:

— Тошнит? Голова кружится?

— Немного.

— Сколько пальцев?

— Десять.

— Вроде норма. Идти сама дальше сможешь?

— Попробую.

К нам подошла Валентина. Я объяснил ей ситуацию. Через некоторое время наша компания начала двигаться дальше вниз к лесу. Пройдя, наверное, минут двадцать, зашли в лесополосу. Вдруг Марина задаёт вопрос:

— Где мы, в Ергаках?

Мы с Валею просто остолбенели, по очереди начали объяснять, где мы находимся. Вроде поняла, идём дальше. Не прошло и пяти минут, как Марина снова задаёт вопрос:

— Где мы, в Ергаках?

Я и Валентина по очереди стали задавать ей вопросы. Марина не помнила примерно семьдесят процентов. Не помнила, что внук ходит в школу, что она учится в Минусинске, с кем приехала в туристический поход. На вопрос:

— Знаешь Таню, нашу подругу? — она ответила, что нет.

Наша тройка медленно продвигалась по буреломам из камней и брёвен. Я шёл впереди, выискивая проход среди препятствий, жена — за мной. Валя шла позади Марины, подстраховывая, чтобы она не падала. Прошло минут двадцать.

— Я знаю Таню. А зачем мы сюда приехали? — вдруг спросила Марина. — А куда мы идём? Мы медленно идём из-за меня?.. Я помню, что работаю в «Циркачонке». Помню Наталью Ивановну, Юлию Евгеньевну. Вику... Помню нашу красную машину, помню номер машины (сказала). А кто был за рулём?

Такие вопросы задавала моя суженая и через пять минут снова всё забывала. И вновь те же вопросы. Я шёл и думал: как же так случилось? Шёл и ругался на чём свет стоит. Валя меня ещё больше вогнала в мрачные думы, сказав, что такое бывает, человек живёт нормально дальше, только прошлое не помнит. «Как так жить? Но есть в этом хороший момент: поругался с женой, наговорил всякой гадости, раз — и через пять минут она уже ничего не помнит. О чём это я? Совсем мозгами двинулся», — думал я, перешагивая сгнившие деревья.

В этом году Марине катастрофически не везёт. В июне были в походе, она не удержалась на фирне (снег, покрытый твёрдой ледяной корочкой) и покатила под уклон. Зарубиться было нечем. Марина всё быстрее и быстрее набирала скорость. В конце снежного покрытия её ноги ударились в камни, тело взлетело в воздух, развернулось на девяносто градусов и два раза повернулось вокруг своей оси. Спасла жену от травм снеговая подушка, которая находилась за каменной грядой.

И вот стемнело. Идти стало тяжело. Включили фонарики, которые плохо освещали нам путь. Я часто останавливался, чтобы далеко не удаляться от наших девушек. Валя шла с Мариной и старалась оградить её от падений, которые были возможны в такой местности. С наступлением темноты меня стало плохо видно. Валя предложила надеть

на мою спину хобу блестящей стороной наружу. Свет фонарей будет отражаться от неё, я не буду теряться.

Настало время сеанса связи. Я взял с собой рацию, вторая осталась в лагере у ребят. О сеансе связи договорились так: для экономии батареи включать рацию через определённое время. Первый сеанс был на горе Москва. Второй — через два часа. Я не ожидал, что радики нам реально помогут. Обычно брал на всякий случай. Столько лет прошло без каких-то аварий — и вот он, этот случай. По связи объясняю обстановку:

— Сворачивайте лагерь, Марина получила травму, ждите у ручья Московский. Следующая связь через полчаса.

Я шёл недалеко от водоёма, наступил левой ногой на небольшую кочку. Что-то хрустнуло, нога по колено провалилась под землю. Колено больно ударилось обо что-то твёрдое. «Всё. Если ещё и я получу травму, из леса неизвестно когда выйдем», — пронеслось у меня в голове. Руками отодвинул траву, посмотрел, обо что ударилось колено. Это был старый пень, не потерявший ещё своей твёрдости. Упёршись в него руками, я осторожно вытащил ногу. Согнул, разогнул. Всё в порядке. Немного больно, но идти можно. Позади меня слышались шаги девчонок. Они чуть было не столкнулись со мной. Решили пять минут отдохнуть.

— Мы у ручья, только не знаем где, их здесь много, — в назначенное время проговорила рация.

Я остановился, посмотрел в тёмную даль, увидел свет фар машины, сказал в микрофон:

— Я вас вижу, никуда не двигайтесь.

Сразу же услышал ответ:

— Мы вас тоже видим.

Через несколько минут нам на помощь подошли два Виталика. Ещё через некоторое время группа вышла на дорогу, где ожидала машина.

— А я вспомнила! — вдруг сказала Марина и перечислила всех по именам.

Пострадавшую решили везти в городок Краснокаменск, в Кошурниково нет специалистов по травмам головы. В кузове автомобиля Марина всех терроризировала вопросами, все были в ужасе от этого.

В два часа ночи «уазик» остановился около больницы городка Краснокаменска. Я и Валентина выпрыгнули из фургона, Катя вышла из кабины, подошли к крыльцу здания. Пройдя небольшой коридор, мы увидели дежурного врача, женщину. Заметив нас, она спросила, что случилось. Вкратце я рассказал о происшествии. Марина вошла в больницу в сопровождении двух Виталиков. Её поместили в палату.

Дежурный врач спросил мою жену:

— Что вы помните?

— Мне сказали, что я была на горе Москва.

— Скажи, что сама помнишь, а не что кто-то сказал.

— Я ничего не помню.

Больной поставили укол и оставили под наблюдением на ночь. Врач сказала:

— На сотрясение не похоже, гематомы тоже нет. С этим диагнозом человек ведёт себя по-другому. Это, похоже, дезориентация.

Не знаю, я не специалист, но, по-моему, небольшое сотрясение было: тошнота, головокружение. В темноте документы Марины я и друзья не смогли найти. Врач сказала:

— Не беда, оставим её до утра, понаблюдаем. Завтра с утра придёт хирург, осмотрит её, назначит вам лечение.

Почти в три часа подъехали на туристическую базу, где оставили наш транспорт. На небе густо высыпали звёзды. Вокруг темно и тишина. С водителем «уазика» распрощались, он уехал. Пройдя через калитку базы, наша группа оказалась во дворе. Я пошёл к дому, где должны находиться хозяева туристического комплекса. Дверь оказалась заперта. Было три часа ночи, я осмелился позвонить по сотовому телефону владельцу приюта. Мне ответили. Договорившись переночевать, до утра нас разместили в одном из строений — деревянном брусом двухэтажном доме. На первом этаже посередине находилась большая кирпичная печь. Слева располагалась кухня, справа — длинный деревянный стол. С одной стороны стола, у стены, стояла лавка, с другой стороны — массивные стулья. В дальнем углу комнаты сооружены двухэтажные нары. Рядом стоял старенький диван. На второй этаж вела круто наклонённая лестница. Этаж полностью занимали кровати, сделанные

из деревянных щитов. Быстро сделали ужин, перекусили, отправились спать. Я занял место на втором этаже нар возле дивана. Завёл будильник. От полученных эмоций спать не хотелось, но нужно было немного поспать, завтра на машине надо будет преодолеть почти двести километров, четыре часа за рулём. Последний раз я посмотрел на время в половине пятого. Мои веки закрылись, я погрузился в сон.

В шесть тридцать прозвенел будильник. В семь утра я выехал на машине за ворота базы. Чтобы не было скучно, со мной поехала Татьяна. Утро было прохладное. Через двадцать километров мы подъехали к больнице. Марина встретила нас в прекрасном состоянии и радостно объявила, что она почти всё вспомнила. Хирург, осмотревший её, ничего страшного не нашёл, дал мне рекомендации по профилактике лечения больной. Я, жена и Таня отправились в обратный путь. Подъехали к туристическому комплексу. Мои друзья были уже готовы ехать домой, в Красноярск. Марина рвалась продолжить путешествие, но наша компания единогласно решила прекратить поход, вернуться домой.

Ехать мне было тяжело. Я постоянно хлопал глазами, веки были многопудовыми и стремились закрыться. После дождей грейдерную дорогу размыло, появились ямы. На одном участке дороги глаза мои на миг закрылись, а когда открылись, я понял, что вхожу в поворот с превышенной скоростью. Тормозить поздно. Чтобы уменьшить угол поворота, выехал на встречку, отпустил педаль газа, плавно повернул руль влево. На выходе из виража из-под колёс полетели камни, заднюю часть машины повело вправо. Я немного подал руль направо и легонько нажал на педаль газа, сразу же отпустив. Машина выровнялась и поехала ровно. Пассажиры накинулись на меня с ругательствами. Этот поворот встряхнул мой организм, сон как рукой сняло. И до города доехали без происшествий.

Находясь уже дома, в Красноярске, Марина прошла обследование в районной больнице. С помощью фотографий и видеок кадров она восстановила недостающие фрагменты памяти, остался неясным только спуск с горы Москва.